



ВАДИМ РЕЧКАЛОВ



Вадим Речкалов начинал журналистскую деятельность в газете «Известия». А в данный момент уже полтора года занимает должность обозревателя при главном редакторе газеты «Московский комсомолец», на страницах которой освещает события на Северном Кавказе.

Авторству Вадима Речкалова также принадлежит книга «Живых смертниц не бывает». Речкалов — лауреат ряда премий, среди которых — премия Союза журналистов России за лучшее расследование и премия имени Артема Боровика за 2004 год.

* * *

Решением жюри конкурса на премию Артема Боровика **Речкалову Вадиму Владимировичу** присуждается премия Артема Боровика «Честь. Мужество. Мастерство» за лучшее журналистское расследование (печать): серия статей по делу капитана Ульмана, опубликованные в газете «Московский Комсомолец».



БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
имени Артема **БОРОВИКА**

РАССЛЕДУЮТ ЖУРНАЛИСТЫ



ВОЙНА КАПИТАНА УЛЬМАНА

— Я после училища шесть рапортов в Чечню написал. Если офицер на войне не был, то какой он профессионал? Нет, говорили, ты нам здесь нужен. А в 2000-м отправили. Без рапорта, без пафоса. С родными я это дело даже не обсуждал. Бабушке сказал: «*Ich fahre auf den Krieg...*» — «Я еду на войну...».

Бабушку Ульмана зовут Эрной. Немка, сосланная из Поволжья в Сибирь в 41-м. Эдуарду 32 года. Окончил Новосибирское военное училище. Три командировки в Чечню. Все награды умещаются в одной ладони: медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени с мечами. И медаль за выслугу лет.

— А в Чечне чем занимался? Каков твой, извини, боевой путь?

— Какой путь? Ну, более двадцати раз ходил на боевую задачу.

— В тыл врага?

— Какой там тыл врага... Есть боевые задачи. Вот я и ходил. Более двадцати раз.

Разведчики Великой Отечественной ходили «за линию фронта». В Афганистане — «на караван». А Ульман в Чечне просто «ходил». Куда, зачем? Необъявленная война непонятно с кем. И язык у нее невнятный.

— А что тебе бабушка тогда ответила?

— *Nun, gut*, сказала, *fahre...* Дескать, хорошо, я поняла. Поезжай с Богом...

1

Уголовное дело группы Ульмана расследовал старший следователь по особо важным делам следственного управления Главной военной прокуратуры Сергей Лешкин. Отправив дело в суд, Сергей Николаевич с чистой душой ушел на пенсию, оставив коллегам, по сути, нераскрытое убийство. Со временем стал очевиден главный пробел следствия. Полковник юстиции Лешкин не сумел установить мотив убийства, а это, по



уголовно-процессуальному кодексу, одно из основных обстоятельств, «подлежащее доказыванию» наряду со временем, местом и способом совершения преступления. Почему трезвый офицер, поставленный на дороге проверять документы, в мирной обстановке и среди бела дня казнил безоружных людей, облил их бензином и сжег?

— После десантирования, — писал Лешкин в одном из своих постановлений, — командир группы Ульман получил задачу блокировать дорогу Дай—Циндой, останавливать и досматривать движущийся по ней транспорт, проверять документы у водителей и пассажиров для обнаружения членов незаконных вооруженных формирований. В начале 16-го часа военнослужащие по команде Ульмана обстреляли проезжавший мимо них по дороге автомобиль «УАЗ». В результате обстрела пассажир Аласханов, 1933 года рождения, погиб. Выведя из остановившейся машины пятерых захваченных (водителя Тубурова Х. Г. и ехавших с ним в поселок Нохч-Келой граждан Сатабаева А. А., Джаватханову З. И., Бахаева Ш. М. и Мусаева Д. И.), военные оказали первую медицинскую помощь раненым Тубурову и Сатабаеву, после чего перевели задержанных в близлежащую ложбину и оставили там под охраной. Оружия и боеприпасов в обстрелянном автомобиле не оказалось. До захода солнца Ульман остановил (на этот раз без применения оружия) еще три автомобиля местных жителей, которые после досмотра и проверки документов были отпущены. Согласно справке, составленной по метеоданным командного пункта армейской авиации, время захода солнца в селе Дай 11 января 2002 года — 16 часов 29 минут. С наступлением сумерек военнослужащие по команде Ульмана расстреляли пятерых захваченных граждан. Наутро их трупы были сожжены вместе с машиной, после чего группа переместилась на другую позицию.

По версии следствия и обвинения, Ульман казнил оставшихся в живых как свидетелей обстрела машины и совершенного при этом убийства. Ульман говорит, что приказ о расстреле ему отдал по радиосвязи руководитель операции. Руководитель операции полковник Плотников все отрицает.

В тюрьме Ульмана тщательно тестировали психиатры. «Вменяем. Отдавал отчет в своих действиях. Обстановку воспринимал правильно». Однако в описываемой следователем ситуации капитан действует как сумасшедший. Подряд совершает взаимоисключающие поступки. Стреляет на поражение по первой проезжающей машине, но остальные вежливо останавливает, проверяет и пропускает. Оказывает помощь раненым, но потом



расстреливает их, как палач, и, как маньяк, сжигает трупы. Допустим, убирает свидетелей, но тогда почему делает это демонстративно, на виду у проезжающих, тем самым умножая число свидетелей. И почему остается на месте преступления до утра. При этом вменяем, водки не пил, анаши не курил. Абсурд.

Однако такое поведение офицера становится понятным, если допустить, что им кто-то руководил. Тот, чьи приказы Ульман обязан выполнять беспрекословно, точно и в срок. Ульман настаивает, что это полковник Плотников. Присяжные думают так же, поэтому и оправдывают капитана. Прокуратура вины полковника не видит. Возможно, она и права, но тогда человек, который отдавал приказы, остался неустановленным. Поэтому я называю это дело нераскрытым, хотя Ульман и на следствии, и на суде ничего не отрицал: да, стрелял, убивал, сжигал, действовал, как положено.

Это его органичное чувство собственной правоты — одна из загадок. Ульман сожалеет о случившемся, но не раскаивается. Убил шестерых, но виновным себя не считает. Хоть бы запил, что ли. Так нет — продолжает служить, женился.

Другая загадка — поведение присяжных, далеких от войны и от армии людей. Обвинитель показывает им шесть обгоревших трупов, Ульман говорит, что это его работа, а гражданские присяжные упрямо твердят: «Невиновен!».

И, наконец, третья загадка — поведение прокуратуры, которая упорно не желает разбираться в явно незаконченном расследовании полковника Лешкина.

Однако все эти вопросы возникают только у стороннего наблюдателя, знакомого только с канвой событий, не посвященного в подробности.

2

10 января 2002 года командующий Объединенной группировкой войск в Северокавказском регионе генерал-лейтенант Владимир Ильич Молтенской подписал директиву №3/02772 о проведении операции в Шатойском районе Чечни. Цель — лидер бандитов Хаттаб, который, по словам агента пограничников, скрывался в селе Дай вместе с отрядом из 15 таких же арабов.

Операция планировалась совместная и комплексная, общее число ее участников никак не меньше тысячи. Всю эту армию поделили на четыре группировки: 1) группировка блокирования района операции (войсковая маневренная группа, включающая в себя батальон 291-го гвардейского мотострелкового полка и



минометный взвод 70-го гвардейского мотострелкового полка); 2) группировка блокирования самого села Дай (комендантская и стрелковая роты Шатойской военной комендатуры); 3) оперативно-розыскная группировка (комендантский взвод Шатойской военной комендатуры, 20 сотрудников Шатойского временного отдела внутренних дел, шесть разведгрупп спецназа ГРУ по 12 человек каждая); 4) группировка огневого прикрытия (подразделения ракетных войск и артиллерии, фронтовой и армейской авиации).

Общий замысел операции очевиден. Пехота блокирует Дай, милиция рыщет по селу, находит Хаттаба, задерживает его, а если боевики занимают оборону, подгоняется бронетехника и банда уничтожается вместе с домом. Вариант второй — боевики уходят из села незамеченными. В какую бы сторону они ни пошли, везде упрутся в заслон мотострелков. Если же арабам все-таки удастся прорваться через пехоту с боем, то далее на лесных тропах, у ручья и на грунтовых дорогах, что на запад, что на восток, что на юг, их встретят засады разведгрупп, уже предупрежденных по радиосвязи о прорыве. Над районом кружат штурмовые вертолеты, готовые ударить с воздуха. Артиллерия по координатам, полученным от разведчиков ГРУ, контролирующих все возможные пути отхода, накроет боевиков немедленно.

Армия не оставляла Хаттабу ни единого шанса. А что касается законопослушного безоружного населения — жителей Дая и других сел, случайно оказавшихся в зоне войсковой операции и не посвященных в секретные директивы командования, — то им со стороны федеральных сил угрозы не было. Приготовь паспорт и сиди дома, а едешь куда — тоже ничего. Пехота поперек дороги стоит открыто. Останови машину, заглуши двигатель, предъяви документы, открой багажник. Проверили — и поезжай дальше. Там, правда, спецназ в засаде сидит, могут и застрелить, приняв за араба, но только если пехота разведку по радиации не предупредит, что машина проверенная и мирная. А если предупредит, то и не застрелят.

3

Такая масштабная операция, сложность которой состояла не только в особой опасности противника — Хаттаба, но и в том, что воевать с ним придется буквально среди мирного населения, требовала тщательной подготовки. Для спецразведки обычный срок на подготовку спецгрупп к выводу в тыл противника составляет не менее 8 часов. Но для спецназа, воюющего в Чечне,



этот норматив еще в 2001 году сокращен командованием до 4—6 часов. В суде установлено, что подготовка разведгрупп к боевому выходу в Дай 11 января началась лишь за 2—3 часа до вылета, сразу после устного приказа, поступившего из группировки.

— Когда ты идешь в знакомую местность, трех часов для подготовки достаточно, — говорит капитан Ульман. — Если идешь в новый район, надо готовиться дня два. А тут вдруг выясняется — идем в горы. Точно не знаем куда, но в горы. Задача мифическая. Все наши отработанные правила подготовки нарушены. Вечером пришли с одной задачи, утром нам нарежали другую, причем в самых общих чертах. Летите туда, не знаю куда, найдите то, не знаю что. Ни карты местности, ни аэрофотоснимка, ни минных полей, ни расположения наших войск, ничего. Как я обычно работал? Получал карту, думал над ней два дня, строил макеты местности, группу по разным вариантам гонял. Вот, например, мы идем по этому склону, видите карту, давайте отработаем. Откуда здесь могут на нас напасть? Отсюда. Какими силами? Примерно такими. Начинаем действовать. Одна подгруппа сюда, другая туда. Головной дозор влево наверх. Понял? Понял. Здесь у тебя развилка, здесь ущелье, по нему можешь скрытно пробежать. Идем на макет — обычную песчаную площадку. Холмик ладошками подгребли — вот горка, по которой мы будем идти. А вот я веточку положил — это речка. А вот ботинок — кошара, отсюда нас могут обстрелять. Подходим отсюда. Если кого-то засекли — либо долбим, либо уходим. Все условно, конечно, но пропорции, ориентиры видно. И группа идет в бой с открытыми глазами.

Цитирую мнение военных экспертов, работавших с делом: «из-за запоздалой, нечеткой и неполной постановки боевой задачи подготовка группы Ульмана к выводу в район была проведена с существенными дефектами. Восполнять недоделанное (окончательно уяснить задачу, оценить обстановку, принять решение) командиру предстояло уже на месте, после десантирования, в условиях жесткого дефицита времени и без помощи оперативного офицера».

Остальные пять групп спецразведки были не в лучшем положении. Вот что рассказывал на суде один из свидетелей, командир разведгруппы 534. Группа эта должна была десантироваться в 3 км северо-западнее Дая, на горе Бастыирзу, а ее выбросили в самом Дае.

— Вертушка повисла, не касаясь земли, примерно в полуметре, — рассказывал офицер. — Мы все попрыгали, снега по колено, имущество выбросили, вертушка уходит и поднимает



огромное облако снежной пыли. Мы ничего вокруг не видим. Снег осел, огляделись, а мы, оказывается, в огород брякнулись. Кругом село. Стоят «чехи» — бабы, мужики, — пальцем показывают. Во, говорят, смотрите, спецназовцы прилетели. А у нас задача — засаду организовать. Действовать скрытно. А тут дома стоят, люди ходят.

Присяжные едва не падали от смеха.

— Ну и что вы дальше делали? — спросили они офицера.

— А что тут сделаешь, — пожал плечами лейтенант. — Сели и стали курить.

Так они и курили, где «брякнулись», не получив до утра ни одного приказа.

Эту операцию подготовили за сутки. Агентурная информация о Хаттабе пришла в группировку 10 января. Высшее командование быстро набросало общую стандартную схему, узкие специалисты разрабатывали конкретные задачи для каждой группы войск, а руководителем всей операции назначили полковника Плотникова, заместителя командующего группировки по воздушно-десантным войскам. Ему, цитирую директиву Молтенского, поручалось «непосредственное управление всеми четырьмя группировками, создаваемыми для участия в совместной комплексной операции, в том числе группировкой, включавшей в себя разведгруппы спецназа...»

По делу Ульмана полковник Владимир Плотников проходит как свидетель. И дает в суде показания, не похожие на правду.

— Подчинялись ли вам непосредственно шесть групп спецназа? — спрашивали у Плотникова в суде.

— Нет, — отвечал полковник.

Кроме того, по словам Плотникова, ему не подчинялись ни авиация, ни артиллерия, никто, кроме мотострелков и минометного взвода.

— В чем заключались ваши обязанности? — спрашивали у Плотникова в суде.

— В проверке паспортного режима в селе Дай, — отвечал полковник.

— А кто тогда руководил разведкой? — спрашивали у Плотникова.

— Возможно, мой заместитель, полковник Золотарев. Не уверен, — отвечал полковник.

Полковник Золотарев, офицер отдела спецразведки группировки, курировал группы спецназа, прикидывал, кому куда десан-



тироваться и кому что поручить. План дописал к часу дня 11 января. И решил лететь из штаба в Ханкале в отряд спецназа в Шали, чтобы встретиться с командирами разведгрупп, в том числе и с капитаном Ульманом. Золотарев не успел к ним добраться, поэтому разведчики, в том числе Ульман, улетели на боевую задачу, имея о ней лишь приблизительное представление. Почему же опоздал полковник Золотарев? Вот что об этом написано в уголовном деле: «К 13 часам Золотарев убыл для вылета к месту дислокации воинской части 87341 (это часть спецназа ГРУ. — *В. Р.*), чтобы лично поставить там задачи по карте командирам разведгрупп еще до того, как они будут выведены в район Дай. Однако руководитель операции полковник Плотников В. В. организовал использование выделенных ему вертолетов так, что офицеры штаба, которые должны были работать на ВПУ (в том числе полковник Золотарев С.А., авианаводчик, представители ФПС), ожидали вылета на аэродроме «Ханкала» до 16.30. В то время как первым рейсом полковник Плотников В.В. забрал с собой на ВПУ кровати, печи, напольные щиты для палатки и дрова...»

То есть разведчики уже воюют, а их командир пока устраивает свой быт. Этот первый час боевой операции, который был разбазарен Плотниковым на установку печек и кроватей, и определил трагический ход событий. Потому что, как говорится в деле, «около 14 часов 11 января 2002 года план применения разведгрупп спецназа в совместной комплексной операции в районе села Дай претерпел значительные изменения, отступавшие от первоначального замысла операции».

А Ульман об этом ничего не знал.

4

План операции рухнул из-за пехоты. Батальон 291-го полка не поспевал к Даю к 2 часам дня. От села Борзой, где базировался полк, до места операции 30 километров. На дорогу командующий отвел пехоте два часа. Плутать вроде негде: 7 км от Борзоя до Шатоя, и еще 23 — от Шатоя до Дая. Днем и по дороге. Но, с другой стороны, — зима, дорога хоть и широкая, но без покрытия. Горы. Говорят, БТР сорвался в пропасть. Но о погибших или раненых ничего не известно. Забегая вперед пехоты, скажу, что она добралась до места только к 9 часам вечера.

То, что батальон опоздает, в штабе поняли чуть позже полудня. И началась в Ханкале паника. Напомню задачу нерадивой пехо-ты — к 14.00 окружить село, в котором в 15.00 милиция



начнет обход домов. Боевики побегут из села и упрутся в заслон мотострелков. На карте нарисовали западню, но пехота не пришла, и в реальности западня не вырисовывалась. Надо менять план.

Изменения коснулись только групп спецразведки. Их решили выбросить в другом месте. Группы 532 и 514, намеченные в засады на дальних рубежах, теперь прибывали на гору Дайлам, то есть на ВПУ. Группу 534 перенесли по карте с горы Бастыирзу к западной окраине Дая. А группу Ульмана от села Циндой — к восточной.

Объясню смысл перемещений.

Пехота не пришла, но Дай перед зачисткой нужно окружить. И две группы разведчиков — 534-ю и группу Ульмана с дальних рубежей — бросают на окраины Дая вместо пехоты. Село окружено.

Далее. Пехота не пришла, а значит, ВПУ охранять некому. Еще две группы с дальних рубежей кидают на гору Дайлам на усиление уже высадившимся там двум группам разведчиков. Итак, всего в операции участвует шесть разведгрупп. По новому плану две из них — Ульман и 534 — окружают село, а еще четыре охраняют ВПУ.

Царившая в группировке паника отражена в документах. В окончательном варианте боевого распоряжения №023518 группе Ульмана предписывалось «к 16.00 11.01.02... десантироваться северо-восточнее Дая на площадке 3771 с задачей вести наблюдение для выявления наиболее вероятных маршрутов передвижения боевиков и к 16.30 11.01 до 10.00 17.01 организовать засаду в районе 3572 с целью выявления и уничтожения боевиков на вероятных маршрутах передвижения в районе ущелья и реки Шаро-Аргун с использованием минно-взрывных средств...»

Это бред. От площадки десантирования до места засады 4 км. По горам, со всем имуществом и скрытно — ходу полдня. А приказано уложиться в полчаса. Пройти, выявить маршруты боевиков, организовать засаду. И аналогичные невыполнимые указания в боевом распоряжении №023518 для остальных пяти разведгрупп. Объяснение этому дали в деле военные эксперты: «Не доведя редактирование до конца, документ отпечатали и подписали, в результате в нем возникли явные несообразности. Сведения о местах засад были механически перенесены в новую редакцию из прежнего текста...».

Как мы видим из боевого распоряжения, изменились не



только координаты, но и время десантирования и время готовности засад. Если поначалу группы должны были высадиться в 14.30 и организовать засады к 15.00, то теперь десантирование — в 16.00, засады — к 16.30. И здесь есть одна тонкость.

Как мы уже знаем, по метеоданным армейской авиации «время захода солнца в селе Дай 11 января — 16.29». То есть засады планировались на темное время суток. В Чечне не было комендантского часа, но ночью по дорогам в горных районах мирные люди тогда не ездили. Офицер, переносивший время засад, мог рассуждать так: «Пехота не пришла. Поэтому между селом и засадой никакого буфера нет. Мирные люди свободно выезжают из Дая прямо на засаду. Разведчики могут принять их за боевиков и открыть огонь. Люди испугаются, попытаются удрать и будут уничтожены. Поэтому засада должна действовать не раньше чем с половины пятого, так как в темноте по дорогам ездят только бандиты».

Это было логичное решение, но все равно безответственное, потому что вероятность того, что под огонь разведчиков попадут мирные граждане, оставалась.

Одно дело нарисовать план на бумаге, а в жизни было так. Группы спецразведки десантировались в район операции не в 16.00, как предусматривал новый план, а по старому плану — в 14.30. Четыре группы приземлились на ВПУ, пятая, по ошибке, — в сельский огород, а группа Ульмана — на восточной окраине Дая. Перед посадкой в вертолет капитану сунули бумажку с новыми координатами высадки. Но не сказали, что время засады перенесли на темное время. То есть фактически Ульман не знал, что план операции изменился. И это я пишу не с его слов. В деле есть сенсационное экспертное заключение, в котором сказано: «Десантирование групп состоялось не в 16 часов, как было указано в окончательном варианте боевого распоряжения №023518, а в 14.30 — 14.40, то есть не за полчаса до захода солнца и наступления скорректированного времени организации засад (16.30), а за два часа. Окончательным вариантом боевого распоряжения *такой ход событий не предусматривался, и, соответственно, новые задачи на период с 14.30 до 16.30 сформулированы не были...*

Войну перенесли на полтора часа, но самые боеспособные части — спецразведку — забыли об этом предупредить. И это еще хорошо, что группа Ульмана оказалась единственной, которую выбросили в поле. Если бы все шесть групп упали в гущу



чеченской толпы и по своей дурацкой спецназовской привычке четко выполнили боевую задачу, то и трупов мирных граждан в районе села Дай к 15.00 11 января 2002 года было бы в шесть раз больше.

5

Милиция и комендантские роты (120 человек, один БТР, 4 легкобронированных тягача МТЛБ и 6 военных автомобилей) вошли в село вовремя, в 15 часов. Начали обход домов, проверку документов. В это же время из села в сторону Нохч-Келоя выехал «уазик», в котором сидели шестеро чеченцев. Засада Ульмана машину обстреляла, один человек погиб. Остальных задержали. Проверка в Дае продолжалась, но все выезды из села оставались открытыми, кроме дороги на юго-восток, где сидела группа Ульмана.

Руководитель операции полковник Плотников мог перекрыть остальные выезды из села находящимися в резерве бойцами комендатуры на БТРах и милиционерами. Плотников этого не сделал.

Зато Ульман у Плотникова работал вместо пехоты. Открыто стоял на дороге, останавливал машины и проверял документы. Вот как оценили это военные эксперты: «Задача блокировать дорогу — несвойственна для разведгрупп спецназа. Бронетехникой и средствами защиты группа не располагала, а ее личный состав не был обучен такого рода открытым действиям. Боевого опыта военнослужащие разведгруппы, за исключением капитана Ульмана Э. А., не имели. С учетом имевшихся сведений о противнике нельзя было гарантировать, что группа из 12 человек, вооруженная легким стрелковым оружием и вынужденная действовать открыто, сможет не допустить прорыва Хаттаба с 15 боевиками-арабами, если бы те реально находились в н.п. Дай».

Вот все теперь говорят, что не было в Дае никакого Хаттаба, подлец агент соврал, но кто его знает. А может, сидел Хаттаб в гостях, курил косяк, выглянул в окно: «Опа, менты!», сел в джип и огородами уехал от греха подальше, например, в Шатой. Или ушел пешком на юг, по горным тропам в Грузию.

К 9 вечера наконец-то приехала пехота — бесконечной колонной из 60 грузовиков и БТРов. Но в темноте заблудилась на развилке и вместо того, чтобы встать, где задумано, у восточной окраины Дая, поползла по серпантину на гору Дайлам, не доехала, встала, да там и заночевала прямо на серпантине. Незадолго до этого капитан Ульман получил с горы Дайлам приказ расстрелять пятерых задержанных чеченцев. И выполнил этот приказ.



Утром 12 января полковник Плотников решил всерьез покомандовать уже всем спецназом. Вышло у него бестолково. Разведгруппе 512 приказал проверять паспорта в Дае. Группе Ульмана — сжечь «уазик» вместе с трупам, перейти поближе к селу, затаиться в роще и ждать дальнейших указаний. Группу 514 отправил на соединение с группой Ульмана «для дальнейшего совместного выполнения задач». Но чтобы добраться до Ульмана, 514-я должна была открыто пройти через село, хотя, по идее, никто из посторонних не должен был знать о присутствии в Дае спецразведки. Разведчики по привычке попытались скрытно пробраться по голому склону горы Дайлам, но снизу из Дая им кричали чеченские мальчишки: «Мужики, мы вас видим, не мучайтесь, спускайтесь, здесь дорога есть».

Приказы Плотникова были не только бестолковыми, но и опасными. Вот, что сообщают эксперты: «Утром группа 532 получила задачу выдвинуться на соединение с группой 534. Поскольку группа шла через Дай, скрытность ею также была утрачена. Указанная точка соединения совпадала с местонахождением совсем другой группы, поэтому командир несколько изменил маршрут, что повлекло ошибку во взаимном опознавании и едва не привело к перестрелке между группами 532 и 534».

В том и заключалась сложность этой совместной комплексной операции: чтобы все участвующие в ней войска и силы — от фронтовой авиации до шатойского милиционера — сработали бы как единый боевой механизм, заряженный на Хаттаба. Но вот механизм сработал, разведчики чуть не перебили друг друга, на дороге догорает «уазик» с шестью трупам. Все как на настоящей войне, только противника не было. Обошлись без Хаттаба.

6

— Поставь себя на его место. Тебе приказывают расстрелять пятерых безоружных. Тот, кто тебе приказал, людей не видел, но тебе-то ведь ясно, что это не боевики — старик, баба какая-то... Расстреляешь?.. То-то же.

Этот вопрос рано или поздно мне задавали все. С него и начнем.

— Был у меня интересный разговор с одним начальником, — вспоминает Ульман. — «Как же так, Эдуард, но надо же было приказ как-то фильтровать, что ли». — «Понял, товарищ полковник, ваши приказы тоже фильтровать?» — «Нет, ну мои-то зачем!»

— Но было ведь очевидно, что это не боевики...



— Это сейчас очевидно, когда мы знаем о людях все. А на войне предполагаешь худшее. У меня голова кипела. Если этих людей приказывают уничтожить, то кто они такие? Насколько же они тогда важны для чеченского сопротивления, если с ними поступают так жестко? Ведь меня судят не за то, что я шесть человек убил, а за то, что убил их неоправданно. А если бы это оказалось оправданным? Не знаешь, как поступать, — поступай этично. Для меня в тот момент этичным было выполнить приказ, потому что я не знал всего замысла операции и мог кого-нибудь подставить своей неисполнительностью. Второе, что меня беспокоило: чем это грозит группе? Этих людей будут сейчас отбивать? Хаттаб же не дурак. Один из способов маскировки — маскировка под мирных жителей. Логично было предположить, что это разведгруппа для проверки маршрута. И сейчас пойдет на прорыв основная масса. Но мне ничего не объясняют. Почему приказали раскрыться? Нас используют как приманку? Я бы такой замысел понял. Но неплохо бы меня об этом предупредить. Радист запрашивает связь, никто не откликается. Если придется отходить, то куда? Прошу по связи «огни» (квадраты, куда запланирован огонь артиллерии), прошу минные поля — тишина. Инфернальная обстановка.

— Значит, операция бездарная, командир — дурак.

— Не было у меня опыта участия в бездарных операциях. Сколько раз ходил на боевую задачу, всегда мной руководили грамотные люди, которые заботились о группе. И вообще, почему я должен верить чеченцам больше, чем своему командиру? Ты подводишь меня к тому, что я должен был им сразу поверить. Но давай разберемся, что подразумевается на этой войне. Что местное население, не будем говорить «чеченцы», так вот, местное население — это люди, считающие меня врагом. А доверчивые на войне погибают первыми. Сколько было случаев, когда люди, поверившие чеченцам, возвращались домой без голов. Мы в Ачхое стояли, когда полковника пригласили на свадьбу, а привезли без головы. Или в Шалях, в 2002-м, двое омонцев на трассе, смена приехала, а они без голов. В 2000 году мы стояли под Бамутом. Связисты с соседнего полка поехали в Ачхой на рынок. Обоим затылки прострелили из бесшумника. Вот ты говоришь — женщина была среди задержанных, как не поверить... А история, когда сбили двух летчиков? Когда к ним пошла группа эвакуации, кто дорогу перекрыл? Женщины! Устроили антивоенный митинг, командир ждал, пока они разойдутся, а летчикам тем временем головы отрезали.



— Ну, это ты все знаешь с чужих слов да из ориентировок. А личный опыт общения с чеченцами у тебя был?

— А личного опыта я не допускал. У меня даже на рынок «троечка» ходила. Не было шансов на нас напасть.

7

Из приговора: «Ульман и Воеводин, чтобы быть уверенными в лишении жизни людей, приказали своим подчиненным произвести повторные выстрелы в лежавшие на снегу между дорогой и разрушенным зданием трупы Джаватхановой, Бахаева, Тубурова и Сатабаева, что и было исполнено...»

— О контрольных выстрелах я узнал только на следствии. Насколько я понял, это была инициатива одного из бойцов — Тереха. А следователю он сказал, что Воеводин велел. Тереха вообще человек интересный. Причем это только на задаче проявилось. Я раньше с ним не ходил. Нормальный вроде парень, исполнительный, бегают. А когда людей уже расстреляли, Тереха вдруг спрашивает: а ножом разве не будем добивать? Чувствуется, что он по книжке какой-то ориентируется. Нож приготовил. «Тереха, а смысл есть?» — «Нет». — «Ну и не делай этого». Перемкнуло его, видимо, слегка от происходящего... Эти выстрелы контрольные, они тоже настолько из литературы... Показалось Терехе, что кто-то шевелится, добил. Причем вот именно — показалось. Тот, кто с трупами не сталкивается, думает, что они такие беззвучные, а от трупов ведь звуки исходят. Где-то воздух вышел, где еще что. Ночь, нервная обстановка. Вот Тереха и проявил такую инициативу. После досмотра трупов подходит тот же Тереха. «Смотрите, товарищ капитан, я кольцо золотое нашел». Оказывается, с трупа снял. «Оно тебе нужно, Тереха?» — «Нет». — «Ты мародер?» — «Нет». — «Ну и что надо сделать?» — «Не знаю, выкинуть, что ли?» — «Да, выкинуть». Я ж, говорит, не в том смысле, что золотое, просто на память. Я ему объяснил, что так не принято, что это не твой уровень. Ты ж все-таки разведчик. Я его понимаю прекрасно. Оказавшись впервые в экстремальной ситуации, человек лихорадочно начал искать стереотип поведения. Ему надо защититься от ситуации, казнь, пять трупов, надо укрытие найти для психики. Просто сидеть — с ума сойдешь. Надо как-то за действительность зацепиться. Надо что-то делать. А опыта поведения нет. Весь опыт — книги, фильмы. А что в таких ситуациях делают герои фильмов?

— Уши еще можно отрезать.

— Возможно, и возникла у кого-то такая мысль. Эта бессмысленная жестокость — она ведь не условиями войны вызвана. Она



приходит на войну из дешевых книжек и фильмов, написанных о том, как якобы ведут себя на войне. Все эти слепые, бешеные, суперкоттики, выдуманный спецназ. В такой ситуации многое от командира зависит. Надо вовремя и жестко дать бойцу четкие ориентиры поведения. Ты сделал свою работу, остальное лишнее. Все!

8

— Меня ж не сразу посадили. Первое время в отряде находился, летал на допросы в Борзой. Как растение жил, прилетел, упал на койку. Ни с кем не разговаривал. Не следил за временем. Мне говорили — построй роту. Рота, строиться! Выйди на построение. Вышел. Потом застрелиться пытался.

— Покойники замучили?

— Никакие не покойники. Чувствовал, что попадаю в какие-то жернова. Я ж не дурак, я понимаю, что из меня делают преступника. И сама эта мысль невыносима. Где-то что-то вроде решают. Но с другой стороны, если бы нас могли защитить, то защитили бы сразу. Я не понимал, что происходит. И все это постепенно привело к мысли: да пошло все в жопу! Я вдруг понял, что лично мне моя смерть ничего плохого не несет.

— Побрился, медали надел, сапоги почистил... Какие там в дешевых книжках стереотипы на этот случай?

— То в книжках, а тут полевой лагерь, грязь непролазная, кроме нескольких дорожек вдоль палаток. Задача: уничтожить себя максимально быстро. Оружие — пистолет Макарова. Для ближнего боя — короткоствольное оружие. Стрелять в висок, в голову не промахнусь. Два движения, и тебя нет. Взвести, поднести, нажать. Ну, три движения. Все — alles! Где-нибудь не в отряде, чтобы не засорять ребятам территорию, им здесь еще служить. Но и неподалеку от лагеря, чтоб народ не искал меня долго. Окопчик перешагнуть да проволоку колючую. Почему-то хотелось найти чистое сухое место с травяным покрытием.

— А что ты этим хотел сказать?

— Да ничего. Просто чтоб от группы отстали. Или чтоб от меня отстали. Это ж все очень связано. Я — это группа. Группа — это я. Не станет меня, ну сломался офицер, пусть на меня все и свалят. Я был в таком раздрае. Я выполнял свой долг, все, что я делал, решал не сам, и более того, все, что я делал, противоречило моему видению мира. Я не боялся тюрьмы, я не мог ее бояться — это для меня был такой параллельный мир, равносильно тому, что я



вообще перестану существовать. Я себя на протяжении всей жизни привык ощущать офицером. Человеком, несущим ответственность за защиту... Ничего, что я громкие слова говорю?

— Продолжай...

— ...за защиту Родины, выполняющим свой долг перед Отечеством. С 16 лет, как в училище поступил, в меня это все вбивали. И тут я оказываюсь преступником. Нет, я не желаю жить в предлагаемых обстоятельствах!.. Встал, взял пистолет... Коля заходит в палатку, командир роты. А я как раз выхожу с пэмом. И ничего подозрительного в человеке с оружием нет. Там все бродят с оружием. А тут я дернулся. Коля заходит, я раз — ствол за спину. И Коля сразу все просек. «Эдик, стой, ты куда?» — «Никуда, Коля, сейчас вернусь». — «Нет, Эдик, сядь». — «Слушай, Коля, отстань». — «Нет, Эдик, ты подумай, если ты сейчас шлепнешься, представляешь, что бойцы начнут творить. Они же все за тобой пойдут, как бараны. Ты ж командир группы, Эдик, отдай пистолет». — «Коля, я не отдам пистолет». — «Ну, хорошо, дай мне честное слово, что ты с собой ничего не сделаешь». — «Все, Коля, отстань, я тебе слово даю...»

— Как-то быстро тебя ротный уговорил.

— Он же не только мой ротный, мы воевали вместе. Коля повел себя правильно. Быстрая оценка ситуации, четкое решение. Никаких эмоций. И аргумент правильный привел. С группой. Убедил в том, что вариант не подходит. Не подходит вариант — все, о нем забыли. Аффекта не было. Был бы аффект, кто помешал бы мне дать ротному в челюсть, выключить его ненадолго? Почему я и дальше не стрелялся? Потому что принял другое решение. Бороться, доказывать свою невиновность, отстаивать себя в той ситуации, которую предлагают. То есть боевая задача продолжается, только в других условиях. Ты, кстати, про стереотипы самоубийства говорил, ну там бриться, медали надевать. Тут другой стереотип, наверное, работал — разведгруппа попадает в окружение, один остается прикрывать, отбивается и, чтоб в плен не попасть, подрывает себя последней гранатой. Тоже самоубийство, но другое — погибаю, типа, но не сдаюсь.

9

— Вернемся в Дай. Как группа отреагировала на приказ о расстреле?

— Поначалу было любопытство. Как Тереха выразился: «Валить будем?» Да будем валить. Все сидят, ждут, ничего себе — валить! Но как-то все пока умозрительно. Новый сеанс связи:



сделали? Нет еще. Приступайте. И вот когда стало ясно, что это действительно придется сделать, и сделать немедленно, тогда наступила подавленность. Это тяжело. Одно дело, когда в засаде, в перестрелке, а вот так вывести людей... Хотя народ в группе вроде подготовленный к смерти. И к чужой, и к своей. Но все равно это разные вещи: в перестрелке, и вот так вывести... Хорошо тем, кто стреляет по далеким целям. А тут вот он, человек! В десяти метрах. И ты знаешь, что его смерть наступит сейчас. Все помнят первого. Кому-то резать приходилось, кому-то застрелить с пяти метров в горячке, а кому-то и не в горячке. Хорошо стрелять в ожидании боя, в ощущении, что если ты не выстрелишь, то выстрелят в тебя. И все равно в первый раз колеблешься.

— Ты помнишь своего первого?

— Не буду я об этом рассказывать...

— Продолжай тогда... Ты приказал привести задержанных и якобы отпустил их домой, они пошли к машине. Дальше.

— Саша и Володя, которых я назначил в подгруппу уничтожения... Даже в темноте было видно, какие они бледные. А я сам ТУДА пока не смотрю. Я знаю, что ТАМ где-то они идут. А я смотрю на Сашку с Вовкой. Огонь! Все вокруг оцепенели. Огонь! Здесь одно спасение — не думать о смерти, думать о том, что надо выполнить задачу. Огонь! Бесшумник: тук-тук-тук-тук. И дальше мозги начинают действовать по формуле «наблюдение за результатами поражения». Я потом думал. После меньшего люди спиваются. После меньшего сходят с ума.

— А почему ты не расстрелял их сам? Почему, когда надо было бежать навстречу машине, ты побежал, мол, у тебя самая лучшая подготовка, больше шансов выжить, если в машине боевики. Ну и здесь бы все сам сделал, раз лучше всех подготовлен. Ну нельзя же было их убивать. И тебе это было понятно, и Саше с Володей. Нельзя, но надо. Приказали. И ты решил выполнить приказ, тебе это казалось этичным. Ну, так это был твой выбор, сам бы и расстрелял.

— Ну, может, я не считал себя обязанным выполнять это лично. И не нравилось мне все это. Ну, не знаю. Я тогда ограничил себя точкой зрения командира. Есть задача. И она нормально выполняется силами группы. Я ж не поставил на это дело срочника. А вдруг у него башню потом сорвет. Я выбрал на эту роль самых опытных — Калаганского и Воеводина.

— А если Калаганский с Воеводиным из-за этого в конце концов сопьются или с ума сойдут, кто будет виноват?

— Я буду виноват... Слушай, а может, я сам боялся, что сопьюсь



после этого. Нет на этот вопрос однозначного ответа. Но парням легче было это сделать. Потому что по приказу. У военного человека всегда есть укрытие. Одно из укрытий — ты подчиняешься задаче. А если задумываться, то и не сделаешь ничего. Ну попробуй себя послать на смерть. Вот так — сейчас я пойду на смерть. Не получится. Мы идем не умирать, а выполнять задачу. Вот начни рефлексировать перед выходом. Это ж я могу подорваться, это ж меня может накрыть артиллерией, это ж меня духи могут застрелить, это ж в меня может свой солдат случайно выстрелить... А у меня был случай, через кусты пробирались, боец падает, шелк, фьють — пуля над ухом. Вань, ты че, убить меня хотел? Командир, честное слово, случайно... Вот начни рефлексировать, и ты кончишься. Прямая дорога в алкоголики.

— Не думаю, что им было легче убивать. Так нервничали — с десяти метров стреляли, и то один убежал — Мусаев. Он, правда, умер через сто метров от потери крови...

— Ведь все равно я бы не стал этого делать один. Я бы вошел в подгруппу уничтожения. Вместе с кем-то еще. Потому что реально — пять целей. И поразить их надо так, чтобы они ничего не почувствовали, — четко, чисто, безболезненно, потому что... жалко все-таки. Пять целей — это два-три ствола. Да, я знаю, если я встану, там точно никто не уйдет, но это все равно что... запачкаться, что ли, или честь потерять.

— От тебя бы тогда офицеры отвернулись, одноклассники по училищу?

— Да нет, наоборот сказали бы: о, ни фига себе, сумел! Не хотелось мне этого делать. Вот идет перестрелка, идет рубиловка, там по хрену, сколько их, какие они, рубиться, рубиться и рубиться. И чем больше нарубишь, тем лучше. Другое дело здесь. Палаческая работа, кому она нужна. Не хочу, и все. Не мое это. Не к этому я готовился. Не мое, не Сашкино и не Вовкино. Но они люди подневольные. Ну воспользовался я своим командирским правом не участвовать самому. Но я же не ушел, я же рядом стоял. Я же не сказал им: идите завалите их где-нибудь. Сашка с Вовкой очищены тем, что они выполняли мой приказ, против своего желания. Я их назначил, я их вину перед Богом на себя взял. Я так роли распределил. Но если бы я сам все это сделал, то нет мне прощения вообще.

10

— Мне следователь Лешкин говорил: какая там у вас была боевая обстановка, не было ж перестрелок, и противника вы не



нашли, спокойный лес, че вы там боялись? Да мы, говорю, не боялись, мы готовы были. А потом я посмотрел одну видеозапись. Полковник Лешкин приехал на место преступления для следственного эксперимента. В сопровождении колонны бронетехники и еще человек ста бойцов с автоматами. И сам он там с автоматом ползает. И никакой боевой обстановки.

Оказывается, это не так просто — поставить себя на место капитана Ульмана. У горной дороги на юго-восточной окраине чеченского села Дай без трех бэтэров и роты автоматчиков.

— Меня ребята спрашивали еще в первой командировке: Эдик, че ты здесь делаешь? Родители в Германии, квартиры у тебя нет. А ты сидишь в Чечне, в горах, воюешь. Зачем тебе это? Я им отвечал в шутку: дерусь, потому что дерусь.

— Слушай, капитан, а что ты здесь делаешь? Родители у тебя в Германии, ты с молодой женой живешь в гарнизонной общаге, капитан в 32 года, судят тебя за убийство. Вот только не говори, что ты дерешься потому что дерешься. Для газеты это не ответ.

Ульман думал два дня.

— Ты знаешь, нет у меня ответа. Сформулировать точно я не могу, а двусмысленности мне бы здесь не хотелось. Извини.

Ясный, недвусмысленный ответ. А порассуждать на тему патриотизма и так есть кому. Кстати, фразу «*Ich fahre auf den Krieg...*» — «я еду на войну...» — германский немец сроду не произнесет. В Германии говорят: «*Ich ziehe in den Krieg...*» — дословно «я тащу себя в войну». А это спокойное «*fahre*» — калька с русского. Чисто поволжский диалект.

30 мая 2005 г. — 11 апреля 2006 г.